

М. Г. ЯРОШЕВСКИЙ

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Ярошевский М. Г.
Я77 История психологии. — 3-е изд., дораб. — М.: Мысль, 1985. — 575 с.
В пер.: 2 р. 50 к.

Книга представляет собой глубокое исследование истории психологии, охватывающее развитие этой науки от древних времен до наших дней. В ней прослеживается эволюция психологических знаний, анализируются отрасли психологии. В книге расширены разделы, освещающие историю отечественной психологической мысли в дореволюционный период, а также становление советской психологии.

я 0304000000-105 39-85
004(01)-85

ББК 88
15

Михаил Григорьевич Ярошевский

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Заведующая редакцией В. Е. Викторова
Редактор В. А. Ширяева
Младший редактор О. А. Рябченко
Оформление художника С. С. Водчица
Художественный редактор А. М. Павлов
Технический редактор Л. В. Барышева
Корректоры Ч. А. Скруль, Т. М. Шпиленко

ИБ № 2631

Сдано в набор 13.12.84. Подписано в печать 06.06.85. А 03385. Формат 84 × 108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура таймс. Высокая печать. Усл. печ. л. 30,24. Усл. кр.-отг. 30,48. Учетно-издательских листов 34,05. Тираж 90 000 экз. Заказ № 1753. Цена 2 р. 50 к.

Издательство «Мысль». 117071, Москва, В-71,
Ленинский проспект, 15.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

М.Г. ЯРОШЕВСКИЙ

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Третье переработанное
издание

МОСКВА «МЫСЛЬ» 1985

ББК 88
Я77

РЕДАКЦИИ ФИЛОСОФСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Я $\frac{0304000000-105}{004 (01)-85}$ 39-85

© Издательство «Мысль». 1985

Для чего листать летопись былых знаний? Какую пользу извлечет из этого тот, кого интересует сокровенная природа психических явлений — самых сложных из известных нам во Вселенной? Ведь то, что достоверно о них известно, наука сохраняет в силу своей бережливости. Проходят времена и люди, а научные истины остаются. На законе Архимеда или открытии Гарвея лежит печать: «Хранить вечно». В Лете тонут лишь ошибки, иллюзии, заблуждения. Знание же, испытанное на прочность трудным опытом многих поколений, входит в состав науки наших дней. Если мы пожелаем, например, познакомиться с основным законом психофизики — законом Вебера — Фехнера, то нет нужды искать старые немецкие книги, где он был впервые изложен. Достаточно открыть современный учебник.

Сторонники такого мнения рассматривают науку только под одним углом зрения. Они не замечают в ней ничего, кроме готового, застывшего знания, оставляют без внимания вопрос о производстве этого знания, о силах, его породивших. При обращении к этому вопросу возникает потребность в мышлении «второго порядка» (см. 9*) — иначе говоря, потребность сделать саму однажды возникшую мысль о предмете (например, о каком-либо психическом явлении) объектом специального изучения.

Обозначим мышление «второго порядка» термином «рефлексия». Она приобретает характер *исторической рефлексии*, когда обращена на былую работу интеллекта. Заметим, что такая форма рефлексии присуща не только специалисту-историку, но любому человеку науки, каким бы специальным вопросом он ни занимался. Он поглощен своими экспериментами, вычислениями, теоретическим анализом. Его ум сосредоточен на предмете как таковом, а не на истории его разработки. И тем не менее

* Здесь и далее в скобках сначала указывается номер источника в списке литературы, помещенном в конце книги, затем курсивом — номер тома, если издание многотомное, и далее — страницы источника.

эта история неотвратимо правит каждым его шагом. Он вынужден погружаться в «дела давно минувших дней» в силу специфики научного труда как труда коллективного (хотя новаторская идея или открытие не могут возникнуть вне внутреннего мира индивида).

К. Маркс характеризовал науку как всеобщий труд, предполагающий кооперацию усилий занятого им человека не только с современниками, но и с предшественниками. А кооперация с предшественниками и означает не что иное, как общение с прошлым, с теми, кто прежде вкладывал энергию в познание данного объекта. Социальность научного творчества и его историческая природа сопряжены. Поэтому предметное мышление ученого всегда включает момент ориентированного на прошлое мышления «второго порядка», т. е. историческую рефлексию. Она может быть различных уровней.

Историческая рефлексия ученого. Предрефлексивный уровень. Советский ученый Б. М. Теплов, уделявший большое внимание проблемам истории науки, в свое время порицал игнорирование психологами того, что уже достигнуто. Если, писал он, сравнить развитие науки со штурмом многоэтажного здания, то можно сказать, «что психологи не стремятся с уже взятого этажа подниматься выше, а каждый раз начинают снова с земли, предпринимая штурм здания лишь с разных сторон» (21, 173).

Описанная Тепловым ситуация — это отклонение от нормы, но, как всякое отклонение, она проливает свет на норму. Просчеты при игнорировании истории науки говорят о том, зачем она нужна. На поведении ученого лежит «табу на повтор», ибо его социальная миссия — быть генератором новых истин. Но чтобы выполнить ее, он должен знать о предшествующих достижениях науки. В противном случае он начнет открывать давно известное, принимать старые факты и идеи за новые. В науке нельзя стать генератором идей, не будучи эрудитом, т. е. хранителем информации о прошлом. Игнорировать историю не значит быть независимым от нее, подчеркивает американский историк психологии Р. Уотсон. «Воплощать прошлое, но игнорировать его — значит в лучшем случае ему пассивно подчиняться, а в худшем — иметь его ложную концепцию», — писал он. — Игнорирование не обязательно говорит об отсутствии влияния на человеческое поведение, включая поведение психолога. Как бы далеко его исторический взгляд на прошлое ни отстоял от реальности, он все же определяет его воззрения на настоящее» (58, 254—255).

Информация о прошлом, содержащаяся в сознании ученого, оставляет следы в его ссылках на тех, кто прежде был занят той же проблемой. Вопрос о том, кто, кого и в каком контексте цитирует, специально изучается с помощью компьютерной техники. В Институте Гарфилда (США) обрабатываются тысячи журналов с целью издания «Цитат-индекса» — указателя ссылок в «океане» научной литературы. Этот указатель позволяет воссоздать картину связей между нынешними представителями науки и их предшественниками, притом таких связей, о которых они сами порой не подозревают.

По мнению американского психолога Д. Кранца, историк науки может выполнить по отношению к современному ученому функцию, подобную психотерапевтической (41, 278—283), если побудит его осознать скрытые предпосылки своих воззрений, пристрастий, установок, которые, будучи исторически обусловлены, воздействуют на его творчество, порождают эпистемологические трудности, а иногда и слепоту к фактам, эмоциональные комплексы. Историк может вступить в диалог с современным ученым с целью преобразовать предрексивный уровень мышления этого ученого в рефлексивный, благодаря чему объектом специального анализа становятся «начала и концы» знания.

Обогащает представления о прошлом такое его исследование, при котором живой участник исторического процесса, его субъект выступает в качестве испытуемого. С ним проводится интервью, «клиническая беседа», вопросы которой могут быть спроектированы таким образом, чтобы стать «скальпелем», обнажающим скрытые пласты важной информации, которая хранится только в мозгу опрашиваемого ученого и навсегда исчезла бы вместе с ним.

Первые попытки разработки подобной «живой истории» уже предприняты — в физике и психологии. В физике собран материал по истории копенгагенской школы Н. Бора. В психологии Р. Ивенс (33) в США, Н. А. Даниличева (8) и В. В. Умрихин (23) в СССР применили метод интервьюирования в историко-научных целях. Эта информация представляет интерес в двух планах. Во-первых, она оповещает об исторических фактах как таковых, во-вторых, показывает, как эти факты преломились в сознании запечатлевшего их субъекта, выявляет сложившийся у него неформальный образ прежних событий. Неформальный — потому что в своих публикациях, т. е. свидетельствах, данных «под присягой», ученый не

выражал своих представлений о былом и его оценок. Их спровоцировало интервью.

Рефлексия при обращении к «истории вопроса». Мы видели, что прошлое науки необходимо представлено в сознании ученого, даже если он и не делает его объектом специального анализа. Когда же он приступает к такому анализу, то последний приобретает две формы: либо это «история вопроса», либо творческий диалог с прошлым. В первом случае, представляя на суд научного сообщества полученные результаты, ученый сопровождает их исторической справкой. Оставив эксперименты и вычисления, он становится на время летописцем, «историографом» изучаемой проблемы. Его экскурс в прошлое призван показать не только эрудицию, но и новизну собственного вклада, отметить на карте развития знаний (какой она ему рисуется) свое место. Выступая в роли своего рода историка (ссылки на предшественников, описание истории вопроса), оперируя «малым» аппаратом исторического самосознания, ученый воссоздает прошлое соответственно собственным интересам. Он может искать в нем поддержку своему выбору определенного направления исследований, учиться на старых ошибках, опираться на авторитеты. Его взгляды, не пройдя объективной проверки, могут деформировать картину прошлого.

Творческий диалог с прошлым. На высоком уровне исторической рефлексии ученый не ограничивается тем, что воспроизводит прежние воззрения. Он выясняет их методологическую функцию, их способность либо вести к новым решениям, либо стать барьером на пути к ним. Идеи предшественников становятся интегральным фактором решения новых проблем.

Приведем несколько примеров творческого диалога с прошлым. В один из критических моментов развития психологии, когда она, выходя из недр философии и естествознания, утверждалась в качестве самостоятельной науки, было выдвинуто несколько программ ее построения. Одну из главных программ предложил Ф. Brentano. Будучи католическим священником, он основательно знал официальную философию католицизма — томизм (от лат. Thomas — Фома) — направление, основанное Фомой Аквинским, который адаптировал к теологическим догматам учение Аристотеля. Brentano, проведя специальный анализ этого учения (т. е. проделав историческое исследование, даже написав монографию об Аристотеле), наметил в книге «Психология с эмпирической точки зрения» план исследования актов целостно-

го сознания. Его план резко отличался от плана другого лидера психологии в начальный период ее развития — Вундта. Из его школы вышло первое поколение психологов-экспериментаторов. По образцу его лейпцигского института возникали лаборатории в других странах. Но уже следующее поколение психологов отвергло вундтовскую программу.

Новый климат в психологии создавали приверженцы европейского функционализма, феноменологии, вюрцбургской школы. Все они выступили против системы Вундта. Нити тянулись к Brentano, в концепции которого преломились идеи Аристотеля. Вопрос о том, как Brentano интерпретировал великого грека, будет рассмотрен позже. Здесь же обратим внимание на важную роль такого общения с историей — притом отдаленной, античной, — которое оказало влияние на формирование психологии в конце XIX в. как самостоятельной опытной науки.

Через несколько десятилетий к Аристотелю обратился другой выдающийся западный психолог — К. Левин. Он противопоставил «аристотелевский способ мышления» «галилеевскому». Их сравнение и раскрытие преимуществ «галилеевского» способа мышления стали предпосылкой конкретно-научной деятельности левиновской школы, экспериментальные достижения которой общеизвестны. Опять-таки изучение истории мысли под определенным углом зрения оказалось весьма полезным.

Перейдем от зарубежной психологии к советской. И здесь немало поучительных уроков. Обратимся к ее истокам. Ее важнейшей исторической задачей явилась радикальная переориентация научного анализа сознания исходя из принципов марксизма. Эту задачу первым принял К. Н. Корнилов. Будучи воспитан на субъективной психологии сознания и видя вокруг успехи материалистически ориентированной рефлексологии, согласно которой сознание не подлежит объективному изучению, Корнилов, полагая, что он следует законам диалектики, трактовал новую, марксистскую психологию как синтез тезы и антитезы — двух противостоящих друг другу направлений. Но шедшая за ним молодежь вскоре рассудила иначе. Она искала иные, более продуктивные решения.

В поиске, который вела группа Л. С. Выготского, важную роль сыграло изучение общей картины развития психологии, ее исторического пути. Вот что вспоминал об этом один из членов группы, А. Р. Лурия. «Вместе с Л. С. Выготским в качестве нашего признанного лиде-

ра мы предприняли критический обзор истории и современного состояния психологии. Наша грандиозная идея заключалась в создании нового научного подхода к человеческим психологическим процессам» (11, 27). Вскоре Выготский на основе «критического обзора истории» написал замечательный труд «Исторический смысл психологического кризиса». Этот труд подготовил культурно-историческую концепцию, которая наметила иное, чем корниловское, понимание отношений между марксизмом и психологией как конкретной наукой и дала импульс новаторским экспериментальным исследованиям детской психики.

Не удовлетворенный интеллектуалистской трактовкой мышления, Выготский искал пути раскрытия его зависимости от эмоциональных, мотивационных факторов. Он выделил в трактовке эмоций два направления: сторонники первого считали первопричиной эмоций телесные изменения (теория Джемса — Ланге), сторонники второго исходили из чисто духовной природы человеческих чувств (феноменология Шелера и др.). Проследивая их исторические корни, Выготский показал, что за видимой противоположностью двух подходов скрыто общее методологическое основание. Таковым является учение Декарта о страстях. Подвергнув его скрупулезному разбору в специальном исследовании, Выготский предполагал раскрыть в дальнейшем значение «Этики» Спинозы для преодоления контраверз, в которые вверг психофизиологию картезианский дуализм, разъедающий и современное учение об эмоциях. Выготский не успел реализовать свой замысел, и нам неведомы его проекты преобразования психологии чувств исходя из давних идей Спинозы. Но разве не заслуживает внимания тот факт, что для понимания и преодоления трудностей науки XX в. психологическая мысль устремилась в XVII в.?

Обращение к истории нередко происходило в критические, поворотные пункты духовного развития ученого, в период поиска выхода из кризисной ситуации, при зарождении новой программы. Устремленность в прошлое порождалась неудовлетворенностью настоящим. В прошлом искали альтернативных объяснений, с тем чтобы решить, в каком направлении продвигаться в будущем. «Назад к Аристотелю» у Brentano означало: вперед от Вундта с его поэлементным анализом сознания как лишённой активности и предметности совокупности явлений «непосредственного опыта». «Назад к Спинозе» у Выготского означало: «вперед от Джемса», не увидев-

шего в эмоции ничего, кроме дрожания мышц, и от Шелера, который превратил переживания в особую сущность. Этот опыт прочтения классических текстов показывает, что при определенных обстоятельствах, в частности в кризисных ситуациях — больших или малых, диалог с авторами этих текстов дает могучий эффект. Его воздействие на прогресс познания было бы ничтожно, если бы ограничивалось «реанимацией» идей в виде их простой репродукции либо вкладыванием в уста классика того, что заранее хотели бы от него услышать.

Но творческий диалог «собеседников», каждый из которых имеет собственную точку зрения, рождает новый синтез.

Мы могли убедиться, что историческая рефлексия не навязывается ученому извне. Он повседневно испытывает потребность в «двойном видении» исследуемого объекта — в том, чтобы воспринимать его и собственными глазами, и глазами предшественников. Он реализует эту потребность двумя путями. Либо непосредственно общается с текстами, оставленными предшественниками, либо обращается к специальным историческим работам, откуда черпает знание, создающее у него образ прошлого, более адекватный, чем тот, который складывается у него стихийно. Историк науки берет на себя особую функцию. Присущие каждому ученому различные формы исторической рефлексии он переводит на высший уровень и таким образом выступает как посредник между современным исследователем и великой чередой сменявшихся друг друга поколений. Задача истории психологии — реконструировать закономерную связь былых деяний, смысл которых состоял в производстве научного знания о психике.

История науки тем самым выступает как особая область исследований. Ее предмет существенно иной, чем предмет той науки, исторический путь которой она изучает. Мысль, реконструирующая этот путь, имеет в свою очередь собственную историю, обозначаемую термином «историография».

Историография психологии. В начале XX в. известный немецкий психолог Эббингауз начал одну из своих книг афоризмом: «Психология имеет долгое прошлое и краткую историю». Это же относится и к истории психологии как направлению исследований. У ее колыбели стоял Аристотель, написавший первый обзор прежних воззрений на душу.

В XX в. можно выделить несколько периодов, для которых характерен обостренный интерес к прошлому психологии, особенностям ее развития. Таковыми были: начало 10-х, конец 20-х — начало 30-х, начало 60-х годов. В эти годы в психологии произошли важные идейно-теоретические изменения.

Начало 10-х годов — период резкой критики господствовавшей до того системы воззрений на предмет и методы психологии. Расшатывается до основания представление о том, что предметом этой дисциплины служат феномены, или акты, сознания, а методом — экспериментально контролируемое самонаблюдение. Зарождаются психоанализ, бихевиоризм, гештальтизм. В эти годы выходят первые очерки истории психологии (31; 40).

На рубеже 30-х годов психология в капиталистических странах вновь оказалась в ситуации кризиса. Распались главные школы предшествующего периода, на обломках которых возникает множество новых. Наряду с этим предпринимаются попытки синтезировать идеи различных направлений. Обостряется интерес к структуре и динамике психологического познания. С этим связано появление крупных историко-психологических работ (34; 36; 48; 56).

В 60—70-х годах нарастает новая — третья в нашем столетии — волна историко-психологических исследований. Научно-техническая революция вызвала количественные, качественные и структурные изменения в научной деятельности, в том числе в области изучения человека, его поведения и личностных свойств. Все это усиливает внимание к историческому опыту, приводит к резкому возрастанию количества публикаций, ставящих цель его осмыслить и соотнести с актуальными методологическими проблемами (37—39; 43—47; 50—55; 57—62). Вопросы развития психологической науки широко освещаются в трудах советских исследователей (см. 3; 4; 6; 7; 13—25). В США начинает выходить специальный журнал (квартальник) по истории психологии.

Как и любая наука, история психологии строится на фактах, на критическом анализе особой эмпирии в виде реально совершившихся в конкретную эпоху событий (открытий, заблуждений, теорий, споров и т. д.). Достоверная реконструкция этих событий, их описание — необходимое основание исторического исследования. Но оно не может этим ограничиться. Рисуя картины того, чего уже нет, оно во всем многообразии былых реалий ищет среди различных направлений ключевые мысли — маги-

стральные, в необратимом потоке дней и веков наиболее значимые.

От повествования о «трудах и днях» оно переходит к объяснению факторов, движущих мыслью, к поиску механизмов, действие которых привело к результатам, записанным в памяти науки. Только тогда, когда историческое исследование выяснит, как были достигнуты эти результаты, *благодаря чему* возникло новое знание, оно приобретет достоинство научного.

Представим человека, не сведущего в палеонтологии. Глядя на кость ископаемого животного, он не может воссоздать его облик, поведение, характер отношений с окружающей природой. Для такой реконструкции необходимо знать законы эволюции органического мира. Так и в истории: чтобы немые знания заговорили, чтобы по ним была восстановлена напряженная жизнь человеческого духа, нужно знать законы его развития. Эти великие законы и изучает история науки.

Социальные факторы. Наука как деятельность развивается в системе взаимодействия трех факторов: социального, предметно-логического и личностно-психологического. Первая группа закономерностей, исследуемых историком, касается социальных функций науки, ее взаимоотношений с обществом.

Важнейшая из закономерностей, открытая марксизмом, состоит в том, что научные проблемы, идеи, теории не являются спонтанным творением ума, но зарождаются и преобразуются под воздействием социальной практики, материальных потребностей общества, производства. Именно здесь скрыты движущие пружины эволюции познания. Так, когда рушились феодальные порядки, в представлениях людей об окружающем мире произошла подлинная революция. Возникла новая наука — механика, которая строилась на опыте, эксперименте, математике. Успехи механики, обусловленные производственной деятельностью людей той эпохи, привели к формированию представления о природе как грандиозном механизме, который работает по точным математическим законам. Такая трактовка действительности позволила исследовать ее явления, не обращаясь к сверхъестественным силам, движущим небесным сводом и поведением людей (как это было в эпоху господства феодально-религиозной идеологии). И если до XVII в. поведение живых тел объяснялось вмешательством души, то теперь это считалось столь же нелепым, как обращаться к душе для объяснения работы часов.

Эта интеллектуальная революция, тесно связанная с потребностями материального производства, способствовала появлению важнейших психологических учений: об ассоциациях, о рефлекторной природе поведения, об аффектах (страстях), о причинах чувственного восприятия. Через два столетия рожденная научной революцией идея «машинности» мозга приобрела в России иное содержание. Здесь в ходе борьбы за новое понимание человека, которое отстаивали «молодые штурманы будущей бури» — революционные демократы, возникла сеченовская программа создания объективной психологии, включавшая принцип активности личности.

В конце XIX — начале XX в. ответом на запросы социальной практики стали: а) исследования механизмов приобретения новых навыков (так называемая проблема научения Э. Торндайка, И. П. Павлова и др.) и б) работы по диагностике способностей личности (для этих целей были изобретены психологические тесты). Развитие современных направлений психологии не может быть объяснено исходя из самодвижения мысли, как не могут быть объяснены из него, например, требование стоиков «вырывать страсти с корнем из души» (оно родилось в эллинистический период, когда социальные катаклизмы побудили этих философов исповедовать апатию и покорность судьбе как идеал мудреца) или выступление идеологов революционной Франции XVIII в. против учения о прирожденности психических свойств (поскольку оно использовалось для поддержки претензий знати на то, что ее преимущества дарованы природой).

На эволюцию психологии общественные потребности воздействуют не только непосредственно, но и опосредованно — через философию и другие науки.

Как в древние времена, так и в современную эпоху в философии идет борьба двух главных партий — материализма и идеализма. Говоря о том, что эта борьба не может устареть, В. И. Ленин соотнес эти партии с именами Демокрита и Платона. Их системы были антагонистическими не только в философском плане, но и в психологическом.

Различный идеологический смысл этих систем определял на протяжении столетий характер их восприятия, оценку, отношение к ним, острейшую полемику вокруг них. Не выяснены причины, по которым от учения Демокрита сохранились лишь фрагменты (да и то известные лишь из вторых рук), тогда как учение Платона предста-

влено чуть ли не полным собранием сочинений. Существует легенда, будто Платон пытался уничтожить сочинения Демокрита, скупая их с этой целью. (А в те времена уничтожить произведения какого-нибудь автора было нетрудно.) Во всяком случае, Платон, заимствуя у Демокрита сведения, касающиеся природы, ни в одной из своих работ его не упоминает (см. 10, 428).

Если труды одного мыслителя сохранились почти полностью, а другого, творившего в ту же эпоху — лишь в малой их части*, то есть основания считать, что это произошло не случайно. Видимо, работы Демокрита были уничтожены противниками материалистической философии. Подобные факты имели место, как известно, не только в древние времена. Разве не свидетельствует, например, о классовом характере «споров о душе» предписание Главного управления по делам печати царской России «арестовать и подвергнуть... судебному преследованию» книгу И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга», как ведущую к «развращению нравов» (12, 64). Этому трактату был присущ бунтарский дух, угрожавший идеологии власть предержащих.

Научная значимость трактата И. М. Сеченова определялась тем, что в нем сквозь накаленную идеологическую атмосферу России 60-х годов** преломились объективные закономерности развития научного знания о поведении. К. А. Тимирязев писал, что, если бы не освободительное движение в России, сапер Сеченов (он окончил Высшее инженерное училище) рыл бы окопы по всем правилам инженерного искусства. Это верно. Но верно и другое. Если бы не революционные события, которые в те годы происходили в науках о жизни и психике, то он не смог бы создать новую нейрофизиологию и психологию. В данном случае социальные факторы воздействовали на развитие научной мысли соответственно ее собственному потенциалу.

Предметно-логические факторы. Предмет и задачи историко-научных исследований не ограничиваются выяснением зависимости науки от общества, производства, идеологии, различных форм культуры. Другой важной стороной выступает ее обратное воздействие на них. Оче-

* Демокрит являлся автором множества работ, охватывающих различные области знания.

** Приказ об аресте сеченовской книги последовал сразу же после того, как студент Дмитрий Каракозов стрелял в императора Александра II. В полицейских донесениях Сеченов был назван «главным теоретиком в нигилистическом кружке».

видно, что наука не могла бы оказывать столь глубокого и возрастающего влияния, если бы не имела собственного строя и логики развития. Здесь выступает другая группа закономерностей, изучаемых историей науки, и только ею.

Это закономерности смены структур научного мышления — преобразования его форм и перехода от одних к другим. Структуры, стиль мышления не являются чем-то внешним по отношению к плодам науки — ее открытиям. Так, стиль мышления, характерный для эпохи, когда утвердилась вера в безграничное могущество объяснений, не знающих других причин явлений, кроме механических, лег в основу открытий во всех науках — от астрономии до психологии.

Другая картина психической жизни открылась взору ученых благодаря новому строю мышления в биологии, утвердившемуся с триумфом дарвиновского учения. Это повлекло возникновение множества конкретных идей, гипотез, фактов. Точно так же стиль мышления, который условно можно назвать кибернетическим (поскольку он включает понятия о сигнале, информации, обратной связи, программировании и др.), привел к новой трактовке регуляции поведения и различных психических феноменов.

Структура мышления воплощена в особом категориальном аппарате науки, который представляет собой своего рода «хрусталик», от которого зависит видение конкретных проблем и явлений, тот «кристалл», сквозь который мир психического открывается научному сознанию в ином свете, чем сознанию обыденному, эстетическому или религиозному. В языке, мифах, произведениях искусства, политических и философских трактатах, любых творениях культуры запечатлеваются сведения, относящиеся к психической жизни, поступкам, мотивам поведения, страстям и страданиям человеческим. Изучение таких сведений несомненно имеет большую ценность, и некоторые авторы включают их в работы по истории психологии.

Но научное знание о психике и деятельность по его добыванию обладают собственными, присущими только им свойствами, которые определяют их особую роль в развитии цивилизации. Выяснение этой роли и является задачей исследования истории научно-психологических идей и факторов, их порождающих. Среди главных признаков, которые отличают производство этих идей от любых других способов постижения психики человека,

следует отметить вооруженность науки особым категориальным аппаратом*.

Согласно философской традиции, под категориями имеются в виду предельно общие понятия. Первую таблицу категорий составил Аристотель, включив в нее такие понятия, как «количество», «качество», «отношение», «время», «место» и др. Кант трактовал категории как неизменные формы мышления, упорядочивающие опыт; Гегель на основе объективного идеализма раскрыл диалектическую связь категорий, их взаимопереходы. В философии диалектического материализма категории рассматриваются как отражение исторического развития познания и общественной практики.

Философские категории используются при любых проявлениях умственной активности, к каким бы объектам она ни была устремлена. Когда же объектом познания становится отдельный фрагмент бытия (в нашем случае — психическая реальность), аппарат философских категорий, продолжая определять движение исследовательской мысли, оказывается недостаточным для освоения данного конкретного фрагмента, выступающего предметом научного знания. Здесь уже необходима система не только философских, но и конкретных научных категорий. Среди последних выделяются: а) общенаучные категории, которые организуют работу мысли во многих областях знания, и б) специально-научные, служащие инструментом построения отдельных предметных областей науки.

Такие, например, категории, как «информация», «общественные отношения», «деятельность» и др., являются общенаучными, поскольку ими оперируют многие дисциплины, в том числе психология. Но чтобы овладеть психической реальностью, их недостаточно. В ходе исследования этой реальности возникли такие термины, как «душа», «сознание», «поведение». Ими обозначались различные признаки. Соответственно изменялось и понимание предмета психологии.

Опыт истории побуждает разграничить два уровня ис-

* Этот аппарат выделяется в качестве основания науки в связи с необходимостью определить внутреннюю логику ее развития. Зависимость этого развития от методов исследования требует специального анализа. Заметим лишь, что и создание методов связано с прогрессом в познании предмета науки. Эффективность, например, метода условных рефлексов (Павлов) или свободных ассоциаций (Фрейд) определяется взглядами на природу психической регуляции поведения, знание же об этой природе строится посредством категориального аппарата.